

На правах рукописи

Кулапин Борис Вадимович

Дихотомия «Я» и «не-Я»: феномен и сущность

09.00.01 – онтология и теория познания по философским наукам

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Саратов – 2011

Работа выполнена в Саратовском государственном техническом университете

Научный руководитель доктор философских наук, профессор
Устьянцев Владимир Борисович, Заслуженный работник высшей школы РФ

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Шугуров Марк Владимирович,
Саратовская государственная академия права имени П.А. Столыпина

кандидат философских наук, доцент Фролова Светлана Михайловна,
Поволжская академия государственной службы

Ведущая организация Казанский государственный университет

Защита состоится «18» февраля 2011г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, XII корпус, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Листвина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы исследования

Вопрос о человеке, погруженном в мир, о его взаимоотношениях с этим миром, вопрос взаимосвязи субъекта познания и амбивалентной ему субстанциональности как проявления сущего испокон веков находился в кругу внимания мыслителей. Пожалуй, вопрос взаимоотношения человека и амбивалентного ему начала является одним из основных в философской мысли. Но именно дихотомия, терминологически заключенная в «Я» и «не-Я», придает философствованию особую интенциональность. Двойственность, выраженная в архетипах «мое – не мое», не только формировала бытийственную картину человека, но и концептуализировала его социокультурную основу. Поэтому можно утверждать, что исследование, посвященное «Я» и «не-Я» как одной из основоопределяющих дихотомий в философии, имеет не только теоретическую, но и социально-культурную значимость. С одной стороны, научный подход, поднимающий в качестве основоопределяющей дихотомии «Я» и «не-Я», позволяет не отказываться от опыта философской мысли, а, напротив, дополняет и концептуализирует философское знание, что особенно актуально для современной философской мысли. С другой стороны следует заметить, что концептуализация опыта в контексте дихотомии «Я» и «не-Я» может быть применена в качестве методологической установки в системе гуманитарного знания, что, несомненно, развивает и углубляет как научный аппарат, так и само гуманитарное знание.

Однако, несмотря на кажущуюся очевидность роли «Я» и «не-Я» в формировании философского миропостижения, вопрос феномена «Я» и, как следствие, феномена амбивалентного ему начала, а также вопрос концептуализации бытийственности с позиций данной взаимосвязи требует дальнейшего философского осмысления.

Степень научной разработанности проблемы

В современной философии проблема «Я» и «не-Я» получает осмысление в различных дискурсах. При этом, осмыслить сложную эволюцию взглядов на данную проблему и создать объективное научное представление об этой взаимосвязи, не учитывая историко-философскую традицию понимания субъекта познания и амбивалентной субстанциональности как проявления сущего, было бы некорректно. Но при этом необходимо не только поставить вопрос об историческом развитии понимания субъекта познания и его антипода, но и сделать из анализа этого вопроса важные выводы, позволяющие сформулировать общеисторическое понимание дихотомии «Я» и «не-Я». А для этого необходимо выделить этапы в становлении данного феномена.

В европейской культурной традиции важнейшими этапами становления феномена и идеи «Я» являлись: космологическая трактовка человека в античности, персоналитическая трактовка индивида в христианстве, антропоцентризм Ренессанса, гуманизм европейского Просвещения, пафос личности в Романтизме, формирование индивидуализма в период индустриальной модернизации. При этом категорию «Я» неотъемлемо сопровождал ее антипод: в античности человек противопоставлялся Космосу, в христианстве индивиду оппонировал абсолютный высший разум, в эпоху Возрождения человек противопоставлял себя всеобъемлющему миру, гуманизм Просвещения, постулируя высшую самодостаточную и самоосознающую значимость человека, провозглашал вне- и античеловеческим все, что способствовало его отчуждению и самоотчуждению, человек Барокко стоял на постулатах рационализма и противопоставлял себя естественности, которая отождествлялась с дикостью и бесцеремонностью, личность Романтизма воспринималась как брошенная в чуждый мир, идея индустриализации обозначала тип взаимоотношения человеческого и внечеловеческого. Естественно, понимание «Я» как и его антипода, претерпевало изменения. Ввиду изменчивости представления о категориях «Я» и «не-Я», связанной с эволюцией философской мысли, возникает сложность уже при постановке дихотомии как философской проблемы.

Среди философских первоисточников следует назвать следующие исследования. В «Рассуждении о методе» Р. Декарт выдвигает концепцию «*cogito ergo sum*», где «*cogito*» субъекта понимается достаточным основанием в доказательстве существования индивида. Продолжает идеи Декарта «Трактат о принципах человеческого знания» Дж. Беркли, где для доказательства существования индивида вводится критерий восприятия. Через «*esse est percipi*» Беркли выходит за пределы мыслящего субъекта, тем самым, создавая основу для метода интерсубъективности в философии XX века. Непосредственное отношение к проблематике «Я» и «не-Я» имеют труды И. Фихте «О понятии наукоучения», «Основа общего наукоучения», «О достоинстве человека», «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии», «Несколько лекций о назначении ученого», «Назначение человека», «Факты сознания», «Наукоучение в его общих чертах». Также не менее значимыми для данной работы являются произведения предшественников Фихте. Среди них выделяется «Критика чистого разума» – труд И. Канта, где категория «Я» определяется мыслителем как «Я мыслю». Помимо предшественников, интересными также представляются работы философов, творящих после Фихте. Так, в «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля фихтеанская категория «Я» заменяется гегелевским «духом». А. Шопенгауэр в фундаментальной работе «Мир как воля и представление» выводит идею телесности. Вводя понятие его как монады, Э. Гуссерль определяет его как эмпирическое «Я», охватывающее всю действительную и потенциальную жизнь сознания. Для нахождения

чистого сознания Э. Гуссерль в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» осуществляет «коперниканский переворот».

Фундаментальная онтология М. Хайдеггера, предлагая категорию *Dasein*, строит индивида принципиально коммуникативным, а его существенной характеристикой философ предлагает «бытие-в-мире». Ж.-П. Сартр выводит способ индивидуального бытия в качестве начала, воспринимаемого Другим. Философия постмодерна снимает оппозиционность экзистенциально-персоналистского и объективистски-социального ракурсов видения «Я» и «не-Я», предлагая транзитивные модели «Я».

Сартр в работе «Бытие и ничто», разрабатывая проблематику субъекта познания и амбивалентной субстанциональности как проявления сущего, строит свои рассуждения на категориях «бытие-в-себе» и «бытие-для-себя». «Система вещей» Ж. Бодрийара – труд, в котором французский мыслитель акцентирует внимание на оригинальном толковании категории «вещь», где вещь выражает субстанцию антипода субъекта познания. «Философия диалога», раскрытая в фундаментальном труде «Два образа веры» М. Бубера, отыскивает основания индивидуального бытия в феномене общения. Вышеприведенные работы репрезентируют идеи, позволяющие выявить общие знаменатели в формировании представления о субъекте познания и амбивалентной ему субстанциональности как проявлении сущего.

Среди авторов, разрабатывающих общефилософские проблемы бытийственности человека, амбивалентности его бытия как методологической основы осмысления «Я» и «не-Я», следует назвать имена Я. Друскина и Б. Мокина. В работе «Я и ты. Ноуменальное отношение»¹ Я. Друскин отношение субъекта познания и амбивалентной субстанциональности как проявления сущего характеризует в качестве ноуменального. Придерживаясь позиции детерминированности свободы выбора в отношении «Я» и «Ты», автор отстаивает и детерминированность ноуменального отношения. Б. Мокин в статье «Современная философия: "закат" или развитие?»², обосновывая философию в качестве особого способа постижения действительности, первым актом философского мышления признает сопоставление «Я» и «не-Я». Принимая «Я» и «не-Я» в качестве первоначальных координат философского постижения действительности, приверженность автора идее детерминированности «системы вопрошаний», вырастающей из этой взаимосвязи, представляется вполне возможной.

К философским работам, рассматривающим категории «Я» и «не-Я» и анализирующим их свойства, следует отнести «Я и мир объектов» Н. Бердяева, который рассматривает специфику сообщений между «Я» и окружающим миром. П. Успенский в книге «*Tertium Organum*. Ключ к загадкам мира» анализирует сознание как реализацию существования. Приятие автором факта его как достаточного основания для бытия сущего представляет особый научный интерес в подходе к вопросу сознания. В работе

¹ Друскин Я.С. Я и ты. Ноуменальное отношение // Вопросы философии. – М., 1994. – №9. – С. 207-213.

² Мокин Б.И. Современная философия: «закат» или развитие? // Известия Саратовского университета: Философия. Психология. Педагогика / Новая серия. – Саратов, 2010. – Т. 10. – Вып. 2. С. 29–33.

А. Шмалько-Затиначкого «Экзистенциальный кризис и его разрешение» исследователь при помощи категорий «Я» и «не-Я» решает вопрос, способна ли философия стать для человека помощницей в деле самоосуществления. М. Шильман в «Заметках о неуловимом "Я"» анализирует историю философской мысли, делая вывод о специфике «Я». Книга «"Я" как объективная ошибка» Ю. Разинова посвящена проблеме экзистенциального статуса «Я». Автор задается вопросом, является ли «эго перепроизводство» «я-означающих» симптомом нехватки в самом означаемом? Иными словами, исследователь задумывается, является ли «Я» полноценным и самостоятельным, отвечает ли «Я» критериям, предъявляемым к этой категории классической философией. Отечественная исследовательская мысль представлена также аналитическими трудами, связанными с персоналиями. Среди них выделяется труд А. Кожурина «Формирование дискурсов о человеке в европейской философии XIX века», разбирающий подходы к категории «Я» в европейской философии XIX века. Также как аналитический труд, рассматривающий культурную форму маски как феномен человеческого бытия, примечательна работа «Маска как возможность лица» А. Костомарова. Будучи одной из форм реализации «Я», культура обладает способностью концептуализировать научное знание, поэтому монография М. Щелкунова «Мировоззрение и общенаучное знание», поднимающая проблемы научного знания в контексте системы культуры, представляется особенно актуальной.

Среди работ саратовской философской школы выделяются труды В. Устьянцева, изучающие проблемы амбивалентного человека, «Порядок и человек: горизонты амбивалентности», «Амбивалентный человек в ситуациях риска». К саратовской философской школе относится и описанная выше статья Б. Мокина, поднимающая вопрос взаимосвязи «Я» и «не-Я» как первоначального акта философского мышления. В дихотомии «Я» и «не-Я» одним из стержневых является вопрос человека. Среди исследований в области философской антропологии выделяется работа В. Гасилина «Становление человека и проблемы идентификации», а также В. Фриауфа «Язык. Сознание. Человеческая реальность... Абсолютно другое». Этим же автором в статье «Парадоксы коммуникации» поднимаются вопросы гносеологии, особо актуальные для «Я» и «не-Я». Интерпретация философского текста, в том числе по вопросам «Я» и «не-Я», особо остро стоит в современной исследовательской мысли. Герменевтическая проблематика исследуется в монографиях М. Шугурова «Виртуальная герменевтика», «Человек: бытие и отчуждение. Опыт антропологической герменевтики». Вопросы, касающиеся реализации творческой потенции субъекта познания (как одной из форм реализации «Я»), находят решение в работах С. Фроловой «Проблема духовности в творчестве П.А. Флоренского и В.С. Соловьева», «Современные мифы и их виртуализация». Проблеме интерсубъективности посвящено исследование С. Мартыновича «Коммуникативное самоопределение философии интерсубъективности».

Таким образом, неисследованными оказались следующие проблемы «Я» и «не-Я»: процесс структурирования целостной системы миропредставления

из первоначальной взаимосвязи «Я» и «не-Я» обстоятельно не рассмотрен; критерии, по которым возможна идентификация «Я» и «не-Я» до сих пор не определены; нет специального феноменологического исследования, где границы непознаваемости «Я» определяются через феноменологическое пространство «не-Я»; не доказано, что амбивалентная субстанциональность как проявление сущего выступает исходным пунктом в самовыстраивании субъекта познания; нет исследований, посвященных анализу различных философских систем с целью нахождения общих концептуализирующих оснований; также нет исследований по прикладным вопросам, касающимся «Я» и «не-Я» в реализации культуры.

Объектом данного исследования в работе выступают онтологические начала человеческой реальности.

Предметом исследования является концептуализация «Я» и «не-Я» в бытийственности человека.

Цели и задачи исследования

Проблема является фундаментальной и органически связанной с эпистемологией. В работе в качестве *цели* выдвигается исследование дихотомии «Я» и «не-Я» в онтолого-эпистемологическом дискурсе.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие *задачи*:

1. Доказать детерминированность связи «Я» и «не-Я», а также выявить свойства и состояния категорий «Я» и «не-Я», при помощи которых формируется и детерминируется картина мира.
2. Показать специфику феноменологического пространства «Я» и «не-Я».
3. Обосновать, что амбивалентная субстанциональность как проявление сущего раскрывается при онтологическом самовыстраивании индивида.
4. Проследить формирование онтологических оснований философской мысли о единой бытийственности «Я» и «не-Я».
5. На материале искусства как одной из форм реализации человеческой культуры выявить амбивалентность «Я» и «не-Я» как «игру» внутрисубъектной деятельности.

Методологической и теоретической основой исследования предстает категориальный аппарат понятий и методов, субстанционального, феноменологического, герменевтического подходов в рамках исследования проблемы субъекта познания и амбивалентной субстанциональности.

Опираясь опытом философской традиции относительно «Я» и «не-Я», привлекается философское наследие Фихте, где «Я» и «не-Я» были представлены в качестве самостоятельной философской проблемы. Используется метод дедукции, применяемый Фихте, где цепь умозаключений замыкается на себя, ее конец совпадает с началом. Эта особенность

методологии Фихте позволяет увидеть в его философской системе некий герменевтический круг, в котором главным предметом истолкования является «Я». Также в работе применяется методология М. Бубера, с опорой на свойственный мыслителю «антирационализм», и стремление к пониманию «Я» только в отношении к «ТЫ» или «ОНО».

На основе герменевтического анализа вырабатывается собственная позиция, позволяющая рассматривать допустимые корреляции дихотомии «Я» и «не-Я». Особенность данной постановки проблемы видится в создании современной концепции, которая бы адекватно воспроизводила установки, связанные с исследованием проблемы субъекта познания и амбивалентной субстанциональности как проявления сущего, а также позволяла решать поставленные вопросы, связанные с дихотомией «Я» и «не-Я».

В работе используются методы анализа и синтеза, сравнения, классификации, логический и исторический (в концептуальном анализе феномена «Я» и «не-Я»), а также системный, компаративистский методы.

Научная новизна исследования состоит в выработке концепта, раскрывающего феномен дихотомии «Я» и «не-Я», а также концептуализацию бытийственности в контексте данной взаимосвязи. В итоге разработки темы диссертации получены следующие результаты:

1. Впервые рассмотрен процесс структурирования целостной системы миропредставления из первоначальной взаимосвязи «Я» и «не-Я», а также впервые выявлены состояния «Я» и «не-Я»: процессуальность, определенность, самоопределенность, принципиальная оппозиционность, благодаря которым возможна идентификация «Я» и «не-Я», а также их действенность.

2. Проведено авторское исследование феноменологического пространства «Я», выявлены границы непознаваемости «Я» через феномены «не-Я».

3. Доказано, что возникновение амбивалентной субстанциональности как выражения сущего вызвано формированием системы онтологических установок субъекта познания. Обосновывается, что амбивалентная субстанциональность сущего выступает исходным пунктом самовыстраивания онтологических и ценностных установок индивида и раскрывается во взаимосвязи личного и внеличного начал.

4. Обосновано, что субъект познания и амбивалентная субстанциональность как проявление сущего выступают в различных философских системах единой онтологической основой при концептуализации бытийственности человека. Показано, что концептуализация человеческой бытийственности возможна через реализацию «Я», где «Я» выступает центральным началом, где демаркация «Я» и «не-Я» вызвана содержанием «Я» и возможна лишь вследствие признания факта существования «Я».

5. Впервые обнаружена амбивалентность «Я» и «не-Я» как «игра» внутрисубъектной деятельности в разных формах реализации человеческой культуры, одной из которых выступает музыкальное искусство.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Являясь одной из основополагающих дихотомий, отношение «Я» и «не-Я» формирует онтолого-гносеологическое направление, на основе которого строится вся полнота понимания мира. Картина мира формируется и детерминирована при помощи атрибутивных характеристик «Я» и «не-Я», которыми служат состояния процессуальности, определенности, самоопределенности и принципиальной оппозиционности в случае «Я». Эти состояния применимы к определению «не-Я». Являясь активным созидательным началом, отношение «Я» и «не-Я» детерминировано само и детерминирует всю полноту формируемой им картины мира. «Я» и «не-Я» есть первоначальная детерминанта человеческой бытийственности, а рефлексивная дистанционность «Я» и «не-Я», служит, таким образом, средством для становления системы миропредставления. Формирование и выстраивание онтологических представлений философской мысли возможно лишь сквозь призму идеи личного и внеличного начал.

2. В ходе феноменологического исследования проблемы «Я», при редуцировании, выясняется затруднение данного исследования «Я» ввиду невозможности «выключения» его элементов. Из этого следует трансцендентность «Я». Границы непознаваемости «Я» могут быть выявленными через феноменологическое пространство «не-Я», реализуемое в состояниях процессуальности, определяемости, самоопределяемости, а также потенции к оппозиционности.

3. Амбивалентная субстанциональность как выражение сущего возникает при формировании индивидом онтологических установок, субъект познания и амбивалентная субстанциональность сущего являются единой основой концептуализации бытийственности в онтологических векторах разных типов рациональности.

4. Концептуализация человеческой бытийственности осуществляется сквозь призму реализации «Я». Будучи активным созидательным началом, «Я» реализует потенцию к определенности, самоопределенности и принципиальной оппозиционности, тем самым концептуализируя действительность, себя в ней, а также амбивалентную субстанциональность как проявление сущего.

5. Амбивалентность «Я» и «не-Я» наиболее полно раскрывается в культуре, проявляясь двояко: амбивалентно взаимоотношение «Я» и действительности, амбивалентна и заложенная в культуре «игра» как внутрисубъектная деятельность. В искусстве как форме субъективной реализации потенция взаимосвязи «Я» и «не-Я» получает наиболее полный выход. Деятельность человека, погруженного в социум, детерминирована культурой, и этот «принцип культурности» задает тип взаимоотношения «Я» и окружающего мира.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы.

Выводы диссертационного исследования являются систематизированным основанием в анализе и осмыслении проблемы дихотомии «Я» и «не-Я». Теоретическая значимость работы состоит в осмыслении опыта философской мысли по проблемам личного и внеличного начал и развитии идей всеобщей обусловленности относительно первоначальной взаимосвязи «Я» и «не-Я». Результаты исследования, полученные на основе компаративистского анализа и методологического синтеза, позволяют сформировать позицию, которая рассматривает допустимые корреляции между феноменами «Я» и «не-Я», а также показывает прямую связь сложных структурных явлений с первоначальным амбивалентным отношением «Я» и «не-Я».

Материалы и результаты диссертационной работы расширяют и углубляют философский научно-категориальный аппарат. Содержание и выводы исследования могут найти применение в общетеоретических и специальных курсах философии, в частности, по проблемам онтологии, гносеологии, методологии, антропологии. Основные идеи диссертации могут быть использованы при составлении учебных и учебно-методических пособий по философии, психологии, культурологии, искусствоведению (историческое музыкознание).

Апробация результатов исследования

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии Саратовского государственного технического университета. Важнейшие результаты исследования докладывались на всероссийской научной конференции «Рациональность и вымысел» (Санкт-Петербург, ноябрь 2003 г.), всероссийской научно-практической конференции «Проблемы культуры и искусства в мировоззрении современной молодежи: преемственность и новаторство» (Саратов, март 2007 г.), всероссийской научной конференции «Национальная безопасность России в сценариях столкновения цивилизаций» (Саратов, июнь 2008 г.), всероссийской научной конференции «Человек в условиях цивилизационных вызовов» (Саратов, ноябрь 2008 г.), V всероссийских аскинских чтениях «Жизненный мир философа в эпоху глобализации» (Саратов, октябрь 2009 г.), международной научной конференции «Инновационное общество – новая историческая эпоха цивилизационного развития» (Саратов, февраль 2010 г.), региональной научной конференции «Инновационные проблемы социально-гуманитарных наук» (Саратов, май 2010 г.). По теме диссертации у автора имеется 7 публикаций, общий объем которых составляет 1,7 п.л.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, объединяющих четыре параграфа, заключения и списка литературы из 230 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновываются актуальность и степень изученности поставленной проблемы, ее объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, определяется методологическая и теоретическая основа диссертации, устанавливаются параметры научной новизны и положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и научно-практическая значимость работы, дается информация об апробации материалов и структуре исследования.

Первая глава диссертационной работы *«Феномен "Я" и "не-Я"»* состоит из двух параграфов. Суть этой части работы состоит в анализе феномена «Я» и «не-Я» как дихотомической связи, взаимообуславливающей свои компоненты, поиске состояний этой связи, а также в анализе особенностей феноменологического исследования «Я».

В первом параграфе *«Причина демаркации мира на "Я" и "не-Я"»* определены феномены онтологии и гносеологии: амбивалентность факта и акта, пространства и времени, «Я» и «не-Я», показана неотделимость «Я» и «не-Я» друг от друга, названа категория сущего как коррелята, позволяющего назвать связь «Я» и «не-Я» дихотомией, доказана детерминированность «Я» в формировании онтологических представлений, детерминированность связи «Я» и «не-Я» и детерминированность формируемой этой связью действительности, выявляются состояния «Я» и «не-Я» (процессуальность, порпделенность, самоопределенность, принципиальная оппозиционность), при помощи которых формируется и детерминируется картина окружающей действительности, показано, как сложная система миропредставления выявляется из первоначальной взаимосвязи «Я» и «не-Я».

Определяя понятия амбивалентности, следует заметить, что оно состоит в зависимости от типа рациональности. Так, в контексте субъект-объектных отношений амбивалентность представляется верным определять как двойственное отношение субъекта к объекту, которое характеризуется одновременной интенцией на один и тот же объект противоположных импульсов, обладающих равным объемом и силой. Вне субъект-объектных отношений амбивалентность правильнее определять как двойственность на уровне феноменологической редукции. Эта некая «феноменологическая амбивалентность» характеризуется противоречивостью в самоидентификации «Я». Субъект познания, осуществляя процедуру феноменологической редукции, сосредоточиваясь на усмотрении сущностей переживаний сознания, вынося эмпирические компоненты сознания за скобки, может наблюдать амбивалентный характер «чистого Я». Причем этот амбивалентный характер вызван амбивалентностью нозтико-ноэматической структуры сознания как амбивалентностью формы переживания и содержания переживания. Применительно к сказанному, отдельно следует уточнить понятия двойственности и бинарности. В контексте субъект-объектных отношений двойственность как парность – имманентный феномен амбивалентности. В случае «феноменологической амбивалентности» двойственность приобретает

особый, онтологический статус. Но если двойственность как феномен амбивалентности служит фактором разделения, то бинарность как оппозиционная раздвоенность противопоставляет амбивалентные начала, служа фактором конфликта. Субстанциональность будучи тем постоянным, что сохраняется в явлении при различных его вариациях, в большей степени отвечает определению наличествующей сущности, образованной проявлением сущего. Будучи компонентом дихотомии «Я» и «не-Я», как антипод субъекта познания субстанциональность является выражением сущего. Иными словами, дихотомия сущего образует сущность субъекта познания и сущность амбивалентной субстанциональности. Поэтому в качестве антипода субъекту познания выступает категория амбивалентной субстанциональности как проявления сущего.

Говоря о выработанной традиции понимания «Я» и «не-Я» в целом, нельзя не заметить одну весьма существенную закономерность, которую правомерно включить в основание данного исследования. Тезисно ее можно назвать вопросом онтологической дихотомии. Взаимосвязь «Я» и «не-Я» в философской практике принято определять как амбивалентную. Такой подход весьма обоснован и правомерен. Однако, говоря о «Я» и «не-Я», философская мысль практически не касается «материала», из которого конституируются данные явления. Иными словами, общий пласт, из которого (и только из которого) правомерно выделять «Я» и «не-Я», философская практика не рассматривает. Тем не менее, подтверждение существования этого пласта можно найти уже в древнегреческом представлении о материи или идее субстанциональности в классическом рационализме. Поэтому амбивалентность «Я» и «не-Я» правомерно считать дихотомией, где дихотомия является способом образования взаимоисключающих субстанций единой целостности и служит для классификации его элементов. Такой над-«Я» и над-«не-Я» целостностью правомерно считать их наличествование или присутствие, обладающее способом бытия. Терминологически эту целостность можно назвать сущим. В этом случае «Я» и «не-Я», будучи компонентами сущего как целостности, приобретают онтологический статус.

Второй параграф первой главы «Значение феноменологической редукции в самореализации "Я"» доказывает, что амбивалентная субстанциональность как проявление сущего возникает при формировании субъектом познания онтологических представлений и что только через оппозиционность с амбивалентной субстанциональностью происходит онтологическое самовыстраивание индивида. Сущее обладает возможностью самовыстраиваться, только лишь если центральной категорией в онтологии принимается категория «Я» (или категория, содержание которой соответствует содержанию категории «Я»). При попытке обнаружить себя «Я» сталкивается с определенными трудностями. Обладая состояниями процессуальности, определенности, самоопределенности и принципиальной оппозиционности, «Я» в осуществлении феноменологической редукции, как и сознание, пытается найти свою сущность. Обозначенные векторы деятельности «Я» – по сути, инструментарий, при помощи которого «Я» осуществляет данную процедуру.

При феноменолого-психологическом редуцировании «Я» вынуждено демаркировать окружающий мир, деятельность «Я» при этом остается процессуальной и самоопределяющей. Состояния определенности и принципиальной оппозиционности утрачивают свою потенцию, поскольку определенность окружающего мира, а также принципиальная ему оппозиционность вне этого самого мира невозможны. «Я» вне окружающего мира лишь процессуально и обладает стремлением к самоопределенности. Совершая акт эйдетической редукции, «Я» предает обозначенным выше векторам своей деятельности вневременной, эйдетический характер. В трансцендентальном редуцировании «Я» выключает эмпирическую субъективность, эйдосы процессуальности и самоопределенности больше не субъективны. Принципиальная оппозиционность оставалась бы единственным критерием «Я», но она была вычеркнута в одном из предыдущих этапов редукции. Процессуальность становится трансцендентной по отношению к «Я», процессуальность подразумевается, но не наличествует в нем. Самоопределенность ввиду отсутствия иных векторов «Я» утрачивает всякую возможность к существованию. Таким образом, акты феноменологической редукции поочередно стирают состояния реализации «Я». И если сознание безболезненно осуществляет данную процедуру, прохождение «Я» через феноменологическую редукцию грозит потерей себя. Отказавшись от любого из своих свойств, «Я» – уже нечто иное: отказавшись от процессуальности, «Я» впадает в «Ничто», отказавшись от определенности – впадает в солипсизм, вычеркнув самоопределенность – теряет самоконтроль, перестав быть принципиально оппозиционным началом – сливается с миром «не-Я». Поэтому в ходе феноменологической редукции «Я» перестает быть «Я», а, следовательно, самоидентификация или самообнаружение «Я» невозможно. Из этого правомерно сделать вывод, что «Я» неопределимо, а поскольку самоопределенность – имманентное состояние «Я», то вся деятельность субъекта познания (и созидательная и разрушительная) является поиском себя. «Я» возможно только как ищущее, но не нашедшее. Процессуальность «Я» – процессуальность ради процесса, «Я» движется по замкнутому кругу, только приблизившись к самонахождению и начав отключать внешний мир, «Я» теряет свою самость и отодвигается назад.

Из этого следует трансцендентность «Я», несмотря на всю кажущуюся очевидность данного феномена. В феноменологической установке «Я» преодоление его, по сути, является выходом к идее коммуникационности и, одновременно, косвенным подтверждением феноменальности «Я» и «не-Я». При этом, будто тень «Я», в феноменологическом исследовании его сопровождает и амбивалентная ему субстанциональность «не-Я».

Таким образом, феномен «Я» состоит в дихотомии его простоты и сложности, кроющейся в очевидности и, одновременно, в затруднении феноменологического определения. При этом основной характеристикой феномена «не-Я» является его извечная противоположность «Я».

Вторая глава диссертационной работы *«Проблема "Я" и "не-Я": концептуализация человеческой бытийственности»* также состоит из двух параграфов. Суть этой главы состоит в анализе сущностной составляющей «Я» и «не-Я».

В первом параграфе «Специфика "Я" и "не-Я": концептуальные основания бытийственности» доказывается, что субъект познания и амбивалентная субстанциональность являются единой основой концептуализации бытийственности в различных онтологических векторах философской мысли, а также прослеживается формирование и выстраивание онтологических представлений философской мысли сквозь призму концепций личного и внеличного.

История философской мысли предлагает множество способов концептуализации бытийственности, в работе осуществляется краткий анализ трудов мыслителей, касающихся данного вопроса (Фихте, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Фрейда, Бубера, Гадамера) на предмет прочтения в них субстанций субъекта познания и его антипода.

Следует отметить, что соотношения субъекта познания с антиподом в концепциях указанных выше мыслителей имеют общие закономерности. Так, Фихте признает «Я» абсолютным началом. Феноменология Гуссерля выбирает центральной категорией сознание. Причем сознание очевидно, поскольку очевиден его предикат – непосредственное созерцание. «Я» у Фрейда – стержневая категория, он характеризует «Я» как принцип реальности, основообразующий принцип в сознании человека. Хайдеггеровское присутствие и сартровское «бытие-для-себя» немыслимы без собственной самоопределенности. Согласно концепциям Бубера и Гадамера, отказывающим в самостоятельности «Я» и отстаивающим первоначальность связи «Я-Ты» или «Я-ОНО», данные связи выступают в качестве основоопределяющих в формировании онтологических представлений. Первый акт демаркации Фихте начинается с признания «Я» как факта собственного существования. Осуществление феноменологической редукции Гуссерль считает возможным, лишь полагая чистое сознание. Фрейд указывает на первостепенную роль «Я» в формировании принципа реальности. Взгляд Хайдеггера, отдающего в споре сущего и сущности приоритет последней, также очевиден. Сартр же, хоть и занимает иную позицию, все же «инициативу демаркации» отдает категории «бытие-для-себя». Даже в условиях гадамеровской размытости «Я» именно эта категория выстраивает коммуникацию с «Ты». Бубер же отдает традиционное понимание содержания категории «Я» связи «Я-Ты» или «Я-ОНО», поэтому инициатива демаркации субъекта познания и его антипода заложена в однородности первичной связи «Я-Ты» или «Я-ОНО». Демаркация на «Я» и «не-Я» в фихтеанской концепции – неотъемлемый атрибут существования «Я» («Я» возможно только как действующее). Для Гуссерля демаркация – единственный путь в отыскании чистым сознанием идеальных сущностных черт. Согласно Фрейду, «Оно» взаимодействуют с «Я», находясь внутри «Я». Разделение их условно, но так или иначе оно детерминировано (в противном случае личность не является

полноценной). Человек в концепции Сартра «обречен на свободу» и эта «обреченность» вырастает из всеобщей детерминированности выбора. Взгляды Хайдеггера, Бубера и Гадамера также предполагают детерминированность демаркации. Всю полноту реальности Фихте выводит из «Я», Гуссерль поддерживает его: ведь сущностные черты выделяются лишь в процессе работы сознания. Хайдеггеровский и сартровский экзистенциализм придерживается той же позиции. Точка зрения Фрейда также соответствует предыдущим. Однако Бубер и Гадамер, отказываясь от самостоятельности «Я», выводят полноту реального мира из взаимосвязи «Я-ТЫ» и «Я-ОНО» или фундаментальной герменевтической взаимосвязи «Я» с «Ты», подчеркивая коммуникативный статус «Я». Фихте во взаимоотношении «Я» и «не-Я» одно начало принимает как практическое, а другое – как теоретическое. То же принимает и Гуссерль в отношении познающего начала и начал, трансцендентных ему (в случае редукции познающее начало всегда активно). Той же противоположностью характеризуются «Я» и «Оно» у Фрейда. Описывая Dasein, Хайдеггер не говорит о его противостоянии, однако в предлагаемой концепции, экзистируя, Dasein утверждает свою самость. Сартровское «Бытие-для-себя» априорно противостоит своим Ничто всему, что не входит в содержание данного понятия. Лишь Бубер и Гадамер, отдавая приоритет коммуникативности, ставят «Я» и «Ты» или «Я» и «ОНО» в равные условия.

Итак, описанные концепции имеют объединяющие их свойства в интерпретации субъекта познания, его антипода, а также их взаимосвязей, что, несомненно, доказывает их общность в концептуализации бытийственности. Поскольку в основе данных исследований лежит единая «дисциплинарная матрица» онтологии и гносеологии, правомерно произвести следующее утверждение: каждая из анализируемых концепций послужила определенной основой в своей парадигме, поэтому вся философская традиция в рамках данной «дисциплинарной матрицы» концептуализируется на основаниях дихотомии «Я» и «не-Я».

Второй параграф второй главы «"Я" и "не-Я" в проблемном поле бытия амбивалентного человека» доказывает исключительность осуществления концептуализации человеческой бытийственности через реализацию «Я», а также выявляет амбивалентность «Я» и «не-Я» как «игру» внутрисубъектной деятельности на материале искусства как одной из форм реализации человеческой культуры.

«Я» и «не-Я» в бытии амбивалентного человека, где человек – некий особый род сущего, производят коммуникативную и культурную составляющие. Все это исходит из присущей сознанию интенции, коммуникативного намерения, и как следствие приводит к выстраиванию целостной системы взаимоотношений с возникшим окружающим миром. Афористично деятельность «Я» выразил А. Камю: «Мыслить – значит испытывать желание создавать мир».

Амбивалентность коммуникативной природы человека рождает принцип диалогичности. Человек понимает себя не как отдельная единица, а как член

особой общности, что с особой ответственностью возлагает на него свои права и обязанности, у него появляется понимание социальной действительности. Человек погружен в логическую систему со своими законами, генезисом и развитием, социальными идеалами, судьбами и перспективами, особой логикой социальных процессов. Нахождение человека в этой системе придает ему особую рефлексию. Собственно, рефлексируя в обществе, человек выполняет свою социальную функцию. Именно здесь возникает амбивалентность человека как рефлексии на собственное бытие и человека, рефлексирующего на общество. В коммуникации с собственным «Я» базируется познание человека, из общения с другими людьми, из общественной коммуникации исходит понимание себя как включенного в целостный механизм общественных отношений.

При этом человеческая природа интенциональна. Суть «Я» состоит в деятельности, отсюда человек как субъект познания имеет потенцию к реализации различных видов деятельности. Любая человеческая деятельность культурна, то есть имеет особый культивируемый человеком предмет. Культура – не только как свод общественных норм, а в большей степени как особый тип коммуникации в обществе – задает правила реализации человеческой деятельности как деятельности общественной. Человеческая культура рождает особое целеполагающее смысловое зерно, мотивируя человека на выполнение жизненной программы. Человек «заряжен» на выполнение позитивной программы не только посредством «Я», но и как культурная единица. Культура путем своих правил и методов толкает человека на создание художественных образов. Причем создаваемые образы для человека могут быть не менее реальны, чем окружающий человека мир. Именно здесь в культурной реализации появляется амбивалентность реальности и вымысла окружающей действительности.

Потенция взаимосвязи «Я» и «не-Я» на почве культуры может реализовываться в обращении к искусству, где как в одной из форм субъективной реализации получает наиболее полный выход. Задача творчества – «провозглашение» авторского «Я», и наиболее показательно здесь искусство романтизма. Музыкальный романтизм со свойственной музыке невербальностью, тематическим символизмом и темпоральными искажениями – самый яркий образец авторского самопровозглашения, примером чему служит анализируемая творческая установка Р. Шумана.

Для творческого созидания, осуществления своей деятельности, художнику необходимо четкое равновесие с миром «не-Я». Однако находясь в равновесии с окружающей жизнью, он осознает имманентную двойственность романтического начала. И здесь пример Р. Шумана показателен: двойственностью пронизан весь внутренний мир композитора. Помимо многочисленных примеров из писем композитора, в музыкальном творчестве такая двойственность проявилась в антиподах – ярких и запоминающихся образах Флорестана и Эвсебиа (вымышленные композитором персонажи, характеризующие его alter-ego), словно расщепляющих шумановскую личность.

Говоря о двойственности, следует указать на некую «художественную бинарность», особенно свойственную романтической эстетике. Ввиду притяжения чувственных приоритетов и некий «личностный максимализм» романтиков каждый компонент бинарности экстраполируется на максимально противоположный рубеж. Именно этим, вкупе с приоритетами авторского личностного начала, бинарность на уровне феноменов предает искусству романтизма новый, экзистенциальный статус. Конфликтность романтического произведения не локальна, любой конфликт способен перерасти во Вселенскую катастрофу, в центре которой находится личность художника, и уже не художник руководит действием, а напротив, произведение, как неподвластная черная дыра, подчиняет и управляет личностью художника. Данный тезис имеет вполне конкретные основания: вовлеченность творческой личности в процессуальность произведения искусства достаточно объяснима современной психологией. Сознание принимает «правила игры» созданного им самим искусственного мира, и из виртуального этот мир в восприятии «Я» преобразуется в реальный. Причем ввиду особого отношения к реальности творческой личности может быть достаточно просто заменить в своем сознании подлинное искусственным. К примеру, в частных беседах с друзьями П.И. Чайковский неоднократно признавался, что замечает, как в процессе создания музыкального произведения не он, а оно начинает подчинять своей воле композитора.

Таким образом, при анализе творческой установки Р. Шумана как представителя искусства музыкального романтизма выявляется амбивалентная «игра» внутрисубъектной деятельности как реализация творческой потенции, заключенной в культурной интенции человеческого бытия.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кулапин Б.В. Феноменологические свойства категории «Я» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – Саратов, 2010. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 17–21. 0,3 п.л.
2. Кулапин Б.В. Специфика «Я» и «не-Я»: концептуальные основания бытийственности // Известия Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – Волгоград, 2010. – С. 132–136. 0,3 п.л.

Публикации в других изданиях:

3. Кулапин Б.В. К вопросу о реальности искусства // Рациональность и вымысел. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. – С. 153–154. 0,1 п.л.

4. Кулапин Б.В. «Я» и «не-Я» в эстетике музыкального романтизма // Проблемы художественной культуры в мировоззрении современной молодежи: преемственность и новаторство: Сборник статей. – Саратов: Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова. – 2008. – С. 25–29. 0,3 п.л.
5. Кулапин Б.В. Феномен «Я» и «не-Я»: система отношений // Человек в условиях цивилизационных вызовов: Коллективная монография. – Саратов: СГТУ, 2008. – С. 263–266. 0,3 п.л.
6. Кулапин Б.В. «Я» и «не-Я» в системе отношений // Человек в условиях цивилизационного кризиса: Коллективная монография. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Саратов: СГТУ, 2009. – С. 192–195. 0,3 п.л.
7. Кулапин Б.В. Феномен индивидуального восприятия // Национальная безопасность России в сценариях столкновения цивилизаций. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 29–30. 0,1 п.л.